

Оглавление

Предисловие

Введение

Переписка Белинского с родными (1829--1834 гг.)

Письма Белинского 1837--1839 гг. (московский период)

Петербургская переписка Белинского первой половины 1840-х гг.

Переписка Белинского второй половины 1840-х гг.

Заключение

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей монография Е.Ю.Тихоновой -- третья ее большая работа о выдающемся русском мыслителе и литературном критике Виссарионе Григорьевиче Белинском. Первые две книги: "Мировоззрение молодого Белинского" и "В.Г.Белинский в споре со славянофилами" вышли в свет в 1998 и 1999 гг. и были с интересом встречены научной общественностью, по достоинству оценившей значительность темы исследования, тонкость проведенного анализа, несомненный литературный вкус и изящество письма автора. Новая работа Е.Ю.Тихоновой свидетельствует не только о ее верности своему герою, но и о росте ее исследовательского мастерства.

В последние годы трактовка образа "неистового Виссариона" претерпела довольно значительные изменения (как и взгляд на всех "революционных демократов" 1840--1860 гг. XIX в.). На смену несколько плакатному изображению пламенного демократа-разночинца и убежденного социалиста, автора знаменитого обличительного письма к Гоголю и считавшихся пророческими слов о будущем России, культура которой приковывает взгляды всего цивилизованного мира и вызывает его благоговейное уважение (я хорошо помню эти слова: "Завидую внукам и правнукам нашим...", которые мы учили в школе наизусть), пришел более адекватный историческим реалиям и глубоко драматичный по своей сути образ человека, буквально с боем, ценой огромного напряжения всех физических и духовных сил пробившегося в российскую интеллектуальную элиту и прошедшего тяжелейший путь творческих исканий, борьбы, разочарований, потерь и обретений, равного которому не так уж много в отечественной истории.

Знаменательно, что в написанном меньше чем за год до смерти бесцензурном "Письме к Гоголю" мы не найдем у Белинского ни слова о революции и социализме, а сформулированная им программа неотложных мер по преобразованию России выглядит достаточно умеренной (отмена крепостного права и телесных наказаний, просвещение народа, строгое соблюдение действующих законов), хотя автор и не жалеет сильных выражений по адресу николаевского режима. Мы не знаем, было ли это письмо "последним словом", некоей финальной точкой в процессе эволюции взглядов Белинского. Ведь его жизнь, оборвавшаяся в 37 лет, -- это действительно прерванный полет, траекторию которого не дано предугадать никому. Да и так ли уж это важно сегодня?

Наверно Белинский, каким он предстает перед нами на страницах трех книг Е.Ю.Тихоновой, трагически велик независимо от того, остался ли он приверженцем социализма или разочаровался в нем. И, право же, не стоит представлять дело так, что уже в самом названии

новой книги о Белинском -- "Человек без маски" -- отражено стремление автора "сорвать" со своего героя ту "маску", которая придумала ему советская коммунистическая пропаганда. Смысл этого названия в другом: ведь откровенные и искренние письма Белинского -- это и его глубоко личный дневник, и настоящая исповедь души, позволяющая заглянуть в его внутренний мир и понять их автора таким, каким он был на самом деле. При этом не менее важно и то, что книга дает представление не только о Белинском, но и о тех, кто его окружал, с кем он делился самым сокровенным, с кем спорил, ссорился, мирился и снова спорил. В этих письмах и раздумья о смысле жизни, и мучительный поиск истины, и многое такое, что испокон веков было глубоко интимным, сугубо личным -- отношение к любви, дружбе, товариществу... В этих письмах -- радость и боль, сомнения и отчаяние, в них сама Жизнь в ее вечном движении и борьбе человеческих страстей.

На страницах книги оживают образы самого Белинского -- умного, тонкого, болезненного, нервного и не очень счастливого человека -- и его друзей -- Бакунина, Боткина, Станкевича; оживает поразительная по своей насыщенности история русской общественной мысли первой половины XIX века, история русского общества. И в этом заключается ценность нового труда Е.Ю.Тихоновой, которая показала себя как глубокий и вдумчивый источниковед, сумевший взять из писем Белинского едва ли не все, что они могут дать для постижения человеческой сущности их автора, его корреспондентов и той эпохи, в которую они жили.

Читая работу Е.Ю.Тихоновой вновь убеждаешься в том, какое неисчерпаемое богатство заключено в переписке выдающихся (а часто и вовсе не выдающихся) людей и как мало еще мы пользуемся этим бесценным богатством.

Невольно приходит на ум и другое: как много дал нам человеческий прогресс и как много он отнял у нас по сравнению с нашими историческими предшественниками. Чтобы убедиться в этом достаточно сравнить жизнь современной российской интеллигенции с жизнью интеллигенции XIX века: и теперь, и тогда были конфликты с властью, материальные заботы, житейская суета, горе и страдание, и все же тогда духовная жизнь российских интеллектуалов была неизмеримо полнее и богаче, а лучшие из них были бескорыстнее, искреннее, чище и добрее, чем сегодня.

В наши дни, когда интерес историков обращен в первую очередь к личностям русских царей, крупных сановников, полководцев, предпринимателей, деятелей Церкви, хочется от души поблагодарить Е.Ю.Тихонову за то, что она не забыла о тех, кто нынче "не в моде", кто противостоял миру сильных, знатных, удачливых, богатых и искренне желал лучшей доли простым людям России. Хочется надеяться, что новая книга Е.Ю.Тихоновой найдет своего читателя и вызовет живой интерес к личности великого сына России Виссариона Григорьевича Белинского. А самой Елене Юрьевне Тихоновой я от души желаю новых ярких и интересных работ.

Доктор исторических наук, главный редактор журнала "Отечественная история" С.В.Тютюкин

Введение

Не всякая личность представляет интерес для историка: его героем является тот, кто сумел наложить след своей творческой индивидуальности на процессы бытия человечества. Но и здесь

историку трудно бывает "пробиться" к своему избраннику без наличия источников о внутренней его жизни; реконструкция характера человека лишь по поступкам и высказываниям о предметах "внешних" -- всегда условна и неполна. Только личные документы по-настоящему сближают исследователя с исследуемым. Однако мемуары представляют собою не непосредственное отражение личности, а скорее сооруженный ею себе памятник; между историком и индивидом, как он есть, стоит в них автор своего портрета, оставленного потомкам. Дневник (если он не является сухим перечнем фактов) более откровенен. Но ничто не останавливает в нем игры воображения автора в выстраивании идеальной своей ипостаси. В переписке же с близкими людьми самовосприятие пишущего контролируется и корректируется придирчивым оком друга. В этом смысле интимная переписка является наиболее объективным репортажем о внутренних духовных процессах при подсознательной установке на правду и одну только правду. Когда такую переписку оставляет личность, по собственной потребности стремящаяся к полному выговариванию, в руках исследователя оказывается уникальный источник со многими слоями информации -- личная исповедь, свидетельство эпохи, своего рода художественное явление. Уже современники заметили, что В.Г.Белинский представлял собой в самом законченном выражении человека без маски, -- П.В.Анненков писал И.С.Тургеневу в 1874 г., что переписка критика "бьет" своей подлинностью: "Вот был господин, который себя отпечатывал в каждой букве письма и в каждом слове разговора".

Мы привыкли к тому, что уход в "личное" -- черта переломных, разрушительных эпох, когда индивид спасается от хватких лап действительности в "подвальных" этажах бытия. Однако 1830-е годы предлагали иное отношение к этой области жизни: веру в соотнесенность поступков субъекта с проявлением объективных сил. Этика и эстетика выдвигались на первый план гуманитарных знаний. Человек, никогда не вступавший на общественную арену, по понятиям того времени, также являлся творцом истории, либо давая своим поведением законы существующему, либо нравственным своим актом обеспечивая торжество Абсолютной воли (по Фихте), либо выводя своим деянием во внешнюю жизнь вложенный в нее Абсолютный импульс (по представлениям Гегеля). Менялись философские системы идеализма, но личность оставалась в центре их внимания. Значительное место в историческом процессе отводилось искусству, и этим частное бытие вновь превращалось в общезначимое. Ведь личными своими переживаниями мы, вовсе о том не помышляя, приобщаемся к общественному делу: готовим фундамент эстетического творчества. Для этого не обязательно рассказывать свою историю писателю, позировать художнику, делать свидетелем личной своей драмы актера; главное, что личное поле, опыт и судьбы человеческих существ создают атмосферу проявления и восприятия эстетического. Стоит каждому из нас утратить способность творить личную свою жизнь, как вся область прошлых, настоящих и будущих эстетических явлений останется за бортом нужд человечества, что приведет к его социальной деградации.

Страстная тяга Белинского к самовыражению совпала с аналогичной направленностью русской культуры: жадный поиск своего нравственного места в универсуме, отличавший его в молодости и оставивший след в его письмах, осуществлялся на фоне расцвета этических исканий в общественной мысли 1830-х -- начала 1840-х гг. Время же его зрелости пришлось на перемещение акцентов в сознании российской интеллигенции -- от частного к общественному переживанию. Изучая личность Белинского, мы открываем для себя эпоху двух "замечательных десятилетий" в срезе ее общественной мысли и литературы: письма Белинского стали (чего не мог еще знать их автор) первой пробой пера русского психологического реализма.

Спасение переписки Белинского -- научный подвиг историка литературы А.Н.Пыпина, собравшего в первой половине 1870-х гг. ее сохранившиеся фрагменты. Публикация отдельных писем шла с 1856 г. -- времени снятия запрета с имени критика, активный же характер приобрела лишь с начала 1880-х гг. Однако только в 1914 г. на базе архива Пыпина вышло в свет первое 3-томное издание переписки, подготовленное зятем Пыпина историком Е.А.Ляцким. Начало ее научному изучению положили работы Ю.Г.Оксмана и прежде всего "Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор" (Литературное наследство. Т. 56. М., 1950). В 1956 г. были выпущены XI и XII тома Полного собрания сочинений критика (содержащие 326 писем) (годом ранее вышло 2 тома избранных 173-х писем Белинского с примечаниями Н.И.Мордовченко и В.Г.Березиной). Изучение переписки было продолжено при подготовке 9 тома нового Собрания сочинений (М., 1982).

Пробелы в имеющейся переписке очень велики. Лучше всего сохранились комплексы писем В.П.Боткину (67 и не менее 13 утрат) и М.А.Бакунину (23 и не менее 7 пропав); из других когда-то солидных групп ныне имеются лишь "обломки"; переписка со многими, состоявшими в дружбе с Белинским лицами, утрачена полностью. И все же у нас есть уникальная серия личных посланий -- "дневник" духовного становления российского интеллигента поколения 1830-х -- 1840-х годов.

Основой изучения личности Белинского является восстановление фактов его жизни. Наиболее интенсивно шло оно в конце 1940-х -- начале 1960-х гг.: самая подробная "Летопись жизни и творчества В.Г.Белинского" Оксмана, три тома Литературного наследства, посвященные критике, 4-томный труд о нем В.С.Нечаевой, краеведческая литература, связанная с музеем-усадьбой Белинского в Чембаре и др.

Историография же об отражении личности Белинского в его переписке намного беднее. Попытку подобного исследования предпринял еще Пыпин в книге "Белинский, его жизнь и переписка" (СПб., 1876; второе издание с дополнениями Ляцкого -- СПб., 1908), однако, внимание автора как первооткрывателя темы в большей мере сосредоточилось на выстраивании первой биографии критика. То же можно сказать о других дореволюционных историках -- П.Н.Милюкове, Р.В.Иванове-Разумнике, писавших еще до выхода в свет самой переписки (по оказавшимся в их руках подлинникам и копиям писем); работа их шла одновременно по многим направлениям: введение писем в научный оборот, заполнение пробелов в биографии Белинского, уяснение его философских и эстетических взглядов. Замечания о психологическом его развитии при всей их глубине носили эпизодический характер.

После Октябрьской революции труды о личностном бытии исторических деятелей стали не в моде. Возвращение к ним исследователей творчества Белинского началось лишь с 1970-х гг. и, строго говоря, можно назвать ныне лишь одну такую научную работу (интересная книга Ю.В.Манна "В кружке Станкевича" (М., 1983) носит популярный характер), открывшую целое направление в познании переписки той эпохи и прежде всего членов кружка Н.В.Станкевича -- очерк Л.Я.Гинзбург в ее книге "О психологической прозе" (Л., 1971). Автор впервые продемонстрировала возможность анализа через эпистолярный материал различных культурно-исторических типов зарождающейся русской интеллигенции, связей эпистолярного творчества с литературным процессом.

Задача предлагаемой читателю книги скромнее. Прежде всего представляется нужным проследить формирование этической теории Белинского в связи с изменением общемировоззренческих его позиций, тем более, что немногие исследования об этом, написанные с точки зрения вульгарно применяемой классовой теории, ныне устарели. Интересным кажется воссоздание по переписке нравственного и психологического облика критика как "центральной", по выражению И.С.Тургенева, фигуры эпохи, сфокусировавшей ее духовные искания и прозрения. Наконец, я позволю себе коснуться почти не затронутой в историографии темы -- приемов и особенностей эпистолярного творчества Белинского.

При обращении к столь доступному ныне читателю источнику вряд ли достаточно было бы ограничиться его изложением; возникает искушение прочесть информацию между строк, уловить ее в построении и интонации фразы, схватить "настроение" письма. Все это, наряду с приемом монтажа при обрисовке образа нашего героя, возможно, открывает двери авторской субъективности, но желающих получить "чистого" Белинского мы отсылаем к его письмам, снабженным в современных публикациях строгими (хотя не во всем безошибочными) комментариями. Человеческая суть Белинского многогранна, и моей целью является не утверждение нового "эталонного" его облика, а прежде всего привлечение внимания к диалогу с ним о жизни в ее этических проявлениях.

Автор приносит благодарность докторам исторических наук А.И.Аксенову, П.Н.Зырянову, А.Е.Иванову, Б.С.Илизарову за высказанные замечания и предложения при подготовке этой книги.